

Мы с мамой катались вместе потной кучей, пока не остановились. Я позволил своим рукам скользить вверх по шелковистой коже ее плоского живота, пока мои руки не обхватили ее массивные груди. Я сжал их, когда мой рот атаковал один из ее твердых сосков, посасывая его так сильно, как только мог.

Ее сосок был алмазно твердым, когда я жевал его. Ее грудь была неопишима. Она была еще более гигантской, чем я думал. И она была даже мягче, чем я когда-либо думал, что это возможно.

По правде говоря, я не мог их разглядеть. Я имею в виду, что сжимал их и сосал, и, без сомнения, очень скоро буду трахать их. Но по какой-то причине я их не видел. Как будто пот заливал мне глаза, затуманивая зрение. Сколько бы я ни моргал, пытаясь прояснить зрение, я не мог полностью очистить свое расплывчатое зрение. Я мог видеть внешние части ее тела, такие как голые плечи и плоский живот. Но независимо от того, под каким углом я смотрел, я не мог ясно видеть товар.

Впрочем, в этом не было ничего особенного. По крайней мере, мои руки лежали на массивных маминых сиськах. Но по какой-то причине мои руки онемели, так что, хотя я сжимал мягкую плоть, которую так мечтал почувствовать, я не мог действительно почувствовать мягкую плоть. Как бы сильно я ни сжимал ее, как бы сильно ни заставлял ее мягкую плоть течь сквозь мои пальцы, я просто ничего не чувствовал.

- Ну же, детка. Трахни уже мои сиськи! Трахни их, как ты всегда мечтал, - простонала мама.

- Я... э-э... не могу... ух, - пробормотал я, не понимая, почему не вижу и не чувствую ни одного из ее достоинств. Ее тон сменился с похотливого на пренебрежительный.

- О, черт возьми, я так и знала, Том, - сказала мама. Она закатила глаза и посмотрела на меня. "Вот почему я не дала тебе выстрелить в меня. Я знала, что ты не знаешь, как обращаться с таким телом, как у меня".

Мама выскользнула из-под меня и встала с кровати. Мое зрение затуманилось, когда она встала передо мной. Я быстро заморгал, пытаясь прояснить свое зрение, чтобы я мог хорошо рассмотреть ее тело полностью. Мое зрение начало проясняться, когда я моргнул, и, наконец, когда мое зрение почти прояснилось, моя мама натянула свой шелковый халат вокруг тела, закрывая его, как только мой взгляд прояснился. Теперь я смотрел на нее, одетую только в этот тонкий, шелковый пурпурный халат, свисающий чуть ниже ее задницы, теперь скрывающий тело, которого я жаждал. Ее твердые соски упирались в шелковую ткань. Она посмотрела на меня сверху вниз и разочарованно покачала головой.

- Я дала тебе один шанс, милый, и ты, блядь, всё испортил, - усмехнулась она мне. Я никогда в жизни не чувствовал себя так низко, моя мать стыдила меня, как мужчину, который не мог утолить ее жажду. "Если ты думаешь, что я дам тебе еще один шанс, продолжай мечтать".

Мама начала уходить из моей комнаты. Я смотрел, как ее крепкие бедра, слегка мокрые от пота, изгибаются при ходьбе. Мама дошла до моей двери и остановилась, снова повернувшись ко мне лицом.

- Посмотри правде в глаза, Том, все так, как я сказала... - начала она, скривив губы в злой усмешке. Ее руки потянулись к собственным огромным грудям, крепко сжимая их сквозь шелк.

- Ты не сможешь справиться со мной.

Мои глаза резко открылись, мамины слова застряли у меня в ушах. Мое зрение приспособилось к темноте, когда я понял, где нахожусь. Я понял, что снова мечтаю об эротической встрече с ней. Понимая, что мой собственный мозг работал против меня, даже не позволяя мне трахнуть мою маму в моем собственном воображении. Не давая мне даже этого маленького момента успеха. Не позволяя мне иметь этот маленький вкус. Я приподнял одеяло, чтобы увидеть, как мой твердый член гордо стоит, истекая спермой.

- Черт, - пробормотал я себе под нос, моя рука скользнула вниз, чтобы взять мой член, начиная сердито поглаживать себя, задаваясь вопросом, была ли мама права насчет того, смогу ли я когда-нибудь действительно справиться с ней.

Я мог справиться с ней. Я мог. Я знал это. Я должен был это сделать.

Я могу это сделать.

...

По мере того как я все больше погружался в футбол, я стал больше думать в спортивных терминах. И я начал соотносить свою игру на поле с той битвой, которую мы с мамой переживали. Я и моя собственная мать стали соперниками. Противниками. В этой игре, в которую мы играли, я начал понимать, что меня поставили на пятки, потому что она заставляла меня защищаться. Она приближалась ко мне, нападая, заставляя врасплох. И она продолжала приближаться. Она была неумолима. Я начал понимать, что единственный выход - принять бой. Перейти в наступление. Мои конкурентные соки текли рекой. Если мама хочет поиграть, то давай поиграем. Веря в глубине души, что я могу это сделать, что я действительно могу справиться с мамой. Я знал, что должен сделать все, что в моих силах.

С обновленной волей, не только сосредоточившись на том, чтобы прижать к ногтю маму, но и на футболе, я решил приложить все свои усилия. Мама всегда приходила на мои игры, и, несмотря на ее протесты, я знал, что ей нравится смотреть, как я играю в футбол, больше, чем просто как мама. У меня было такое чувство, что она относится или, по крайней мере, относится к тому типу женщин, которые питают слабость к футболистам. Я мог только представить ее, вернувшуюся в старшую школу, подбадривающую на краю, ее большие сиськи подпрыгивали. Я видел, как она очень возбуждается, наблюдая за парнями на поле, играющими в игру, врезающимися друг в друга, идущими на войну друг с другом, жаждущими победы. Я представил себе, как она отслеживает спортсменов на поле в поисках вожака. Я мог себе представить, как ее переполняет вожделение, когда она наблюдает за атлетическими образцами на поле и за одним образцом, который возвышался над остальными, который был неудержим, поглощая ее зрение, становясь единственным объектом ее вожделения. Я надеялся, что это чувство сохранится и по сей день. И я поклялся быть этим образцом.

Таким образом, работа в предположении, что моя мать любила футболистов, добавила новый уровень внимания к моей игре. Некоторые были мотивированы славой, стремлением стать чемпионом. Некоторые были мотивированы девочками, пытаясь стать королем или альфа старшей школы. И конечно, все это относилось ко мне. Мне нравилось соревноваться и добиваться успеха. Но главным образом, была одна вещь, которая двигала меня вперед.

Это всегда звучало банально или глупо, когда люди благодарили "маму", когда они получали награду или имели некоторый успех. Но в большинстве случаев это была благодарность их мамам за то, что они правильно воспитали их, привели их туда, где они были сегодня, и были

подобны ангелу, направляя их по правильному пути. Но это определенно было не так для меня. Мама, которая была мотивацией для моего успеха, пришла из совершенно другого места. Сочное тело моей мамы было единственной мотивацией, в которой я нуждался. Если я буду делать тачдауны на поле, и мамины стринги станут немного влажнее, тогда я сделаю как можно больше тачдаунов. Если я завершу ключевой пас, приняв удар, и на ее топе будет расстегнута дополнительная пуговица, позволяющая мне увидеть немного больше ее сочного декольте, то я приму этот удар. Если выполнение идеального маневра заставит соски моей матери затвердеть, то я буду выполнять маневры как можно чаще. И если, бросая длинный пас, мама с большей вероятностью захочет показать мне свою обтянутую стрингами задницу, тогда я буду швырять длинные пасы влево и вправо. Как я уже сказал, когда большинство парней были мотивированы своей мамой, это был невинный жест. Большинство из них не были мотивированы мечтой трахнуть свою собственную маму, трахая ее тугую пизду, сжимая ее сиськи, зарывая свой толстый ствол в нее и наполняя ее густой спермой. Вот такая была у меня мотивация. Именно это и толкало меня вперед.

Тренеры, мои товарищи по команде и даже чирлидерши заметили, как мое выступление, казалось, поднялось на новый уровень. Мои пасы стали точными. Мои движения стали безупречны. Мое внимание стало непреклонно. Я никогда не играл лучше. В прошлом году я был неплохим игроком, даже в качестве запасного. Но в этом году я совершил прыжок. И все это благодаря крохотной надежде, что однажды я увижу мамины соски.

Поэтому, когда пришло время игры против одного из наших крупных соперников, команды, которая год за годом уничтожала нас, команды, которая выиграла титул штата несколько лет назад, я не чувствовал никакой нервозности, которую я, вероятно, должен был чувствовать, входя в то, что большинство думало, будет бойней. Когда я вышел на поле для своего первого официального старта в качестве квотербека, окруженный моими товарищами по команде, подбадриваемый горячими чирлидершами, собираясь играть с командой парней, которые казались на размер больше, чем кто-либо из моей команды, единственным человеком, которого я действительно заметил, была 40-летняя женщина на трибунах с покачивающимися FF сиськами, болевшая за меня, наблюдая только за мной. Ее тело было моей мотивацией. Ее одобрение было моей целью.

Я играл как парень, который не знает, что должен проиграть. Я играл как человек, которому нечего терять, как человек, у которого гораздо больше опыта, чем на самом деле было. Квотербек Central тренировался уже много лет с желанием играть в профессиональный мяч. Но в первом тайме я не отставал от него, так как в перерыве мы проигрывали только четыре очка. С каждым пасом, который я делал, я бросал взгляд на трибуны, чтобы увидеть, как моя мама гордо наблюдает за мной, сияя от одобрения, радостно подпрыгивая вверх и вниз. Я уверен, что все парни на поле были отвлечены ее подпрыгивающими сиськами. И когда мы возвращались в раздевалку, я видел, как она улыбается мне, гордясь тем, что ее сын не отстает.

Тот факт, что я был так рассеян, вероятно, помог. Любая нервозность, которую я чувствовал бы во время игры, была смягчена моей одержимостью грудью моей матери. Поэтому, когда Central оторвался на десять очков, входя в четвертую четверть, вместо того, чтобы паниковать, все, о чем я думал, было то, расстегнулся ли мамин топ немного ниже с начала игры.

В четвертой четверти я играл как одержимый. Беготня вокруг, уклонение от защитников, которых я не должен был избегать, пасы, которые я, вероятно, даже не должен был бросать. И из-за этого у нас оставалось меньше минуты. Если мне удастся сделать тачдаун, я стану школьной легендой. Девочки будут заискивать передо мной в школе, а все остальные парни будут жалеть, что они не я. Но все это не имело значения. Я посмотрел на трибуны и

встретился взглядом с мамой, чтобы убедиться, что она смотрит на меня. Ее пристальный взгляд встретился с моим, наблюдая, как императрица пытается наблюдать, как гладиатор впечатляет ее. С сосредоточенностью более опытного человека, с неосязаемыми качествами опытного квотербека, я начал атаку.

Я делал пасы и выходил за пределы поля, когда это было необходимо. За отведенное время я подобрался очень близко к конечной зоне, так что за две секунды до начала игры нам оставалось десять ярдов до тачдауна. Когда я получил мяч, все пошло как в замедленной съемке. Я видел каждое движение на поле. Я видел, как защитники летят на меня, как грузовики. Я видел, как все ресиверы прокладывают свои маршруты к конечной зоне. Я видел, как колышутся мамины груди, когда она возбужденно подпрыгивала вверх-вниз. Все голоса смолкли. Там были только я и мяч. Когда я увидел, что наш тай энд ускользает от защиты, свободно приближаясь к конечной зоне, мяч покинул мою руку без второй мысли.

Моя цель была верна. Например, как мастер-лучник целится в свою цель, как снайпер целится во врага, как я, без сомнения, буду целиться своим толстым членом в тугую киску моей матери в самом ближайшем будущем... мяч покинул мою руку.

Я смотрел, как мяч летит по воздуху, совершая идеальную спираль. Я смотрел, как мой товарищ по команде Бенни бежит к конечной зоне. От этого зависела моя судьба. Вся надежда, что я когда-нибудь трахну свою горячую мать, покоилась на этом моменте.

Удастся ли ему поймать мяч?

<http://erolate.com/book/786/15150>